

Text 11

aus: М. М. Нахабина, Р. А. Толстая, Книга для чтения

О ЧЕМ ДУМАЕТ МАРАБУ?

Былá осень. В Лóндоне шли дождí. Бýло хóлодно. Тимофéй смотрéл в окнó на улицу. Ему бýло скúчно.

— Máма, какóе сегóдня число?

— Сегóдня пятнáдцатое октябрá.

Тимофéй вспомнил, что дýдя Кóля обещáл пойтí с ним в зоопárк пятнáдцатого октября. Он сказал, что бýдет свободóен в этот день.

— Тимофéй, что ты смóтришь в окнó?

— Я жду дýдю Кóлю.

— Сегóдня плохáя погóда, и дýдя Кóля не придет.

— Он обещáл прийтí, он сказал, что пойдёт со мной в зоопárк.

Дýдя Кóля очень нráвился Тимофéю, он был сильный и весёлый. Он был другом пáпы и máмы.

Тимофéй, как и дýдя Кóля, родíлся в Москvé. Но Тимофéй не помнит Москvý, потому что он был очень маленький, ему бýло 10 месяцев, когда пáпа поéхал на рабóту сначáла в Будапéшт, а потóм в Лóндон.

Тимофéй и máма решíли пообéдать. В это врёмя пришёл дýдя Кóля.

— Здрáвствуйте! Ну, Тимофéй, сейчас поéдем с тобóй в зоопárк, — вéсело сказал он.

— Какý зоопárk? На ýлице дождь, — сказáла máма.

Но дýдя Кóля отвéтил:

— Дождá сегóдня бóльше не бýдет, так мне сказáла одná птица.

Мáма улыбнúлась, и Тимофéй с дýдей Кóлей поéхали в зоопárк. В метró Тимофéй спрашивал дýдю Кóлю о Москvé.

— Дýдя Кóля, какáя Москvá?

— А ты не помнишь?

— Нет, совсéм не помню.

— Москvá большáя, красíвая. Трудно рассказáть, какáя Москvá. Когда приéдешь в Москvú лéтом, тогдá сам увидишь.

Зоопárк в Лóндоне очень хороший, большóй. Онí дóлго ходíли, побывáли в разных местáх зоопárка. Тимофéй устáл, и онí решíли отдохнúть. Онí сидéли, éли морóженое и смотрéли на птиц-фламíнго, которые танцевáли на рекé.

Фламíнго очень красíвые птицы. Потóм Тимофéй с дýдей Кóлей решíли пойтí домóй. И вдруг на маленьком зелёном пóле онí увидали удивítельную птицу. Эта былá большáя бéлая птица. Она стояла на однóй ногé, а другúю она спрýтала.

Птица былá очень грúстная. Она не вíделаничегó вокrúг. Она не вíдела других красíвых птиц, которые гуляли рýдом, не вíдела Тимофéя и дýдю Кóлю, не вíдела солнца, не вíдела травы, дерéвьев. Она стояла и дúмала.

Дýдя Кóля сказал, что эта птица называeтся марабú, что она родилáсь в Áфрике.

— А о чём дúмает эта птица, дýдя Кóля?

— Навéрное, о своéй Áфрике. Её привезлí сюдá, когдá онá былá мáленькая, онá, навéрное, скучáет о своéй рóдине.

— А почемú онá стойт на однóй ногé?

— Навéрное, так ей лúчше дўматъ о своéй Áфрике, — отвéтил дýдя Кóля.

Тимофéй бóльше ничегó не спráшивал, тóлько сказál:

— Дýдя Кóля, я устáл и хочу домóй.

Онí приéхали домóй. Дýдя Кóля пообéдал с нýми и поéхал на рабóту. На слéдующий день, вéчером, дýдя Кóля приéхал опять.

— Слúшай, Кóля, что ты Тимофéю рассkáзывал о птице марабú? — спросíла Вéра Ивáновна.

— А что случíлось?

— Ничегó осóбенного. Но после обéда он пошёл в свою кóмнату и дólго стоял там на однóй ногé. Я спросíла: «Тимофéй, что ты дéлаешь?» А он отвéтил: «Не мешáй мне, я дўмаю, как птица марабú». «О чём?» Он так и не отвéтил.

— Я знаю, о чём он дўмал, — сказál дýдя Кóля и улыбнúлся.

Text 12

aus: М. М. Нахабина, Р. А. Толстая, Книга для чтения

КАК Я ВСТРЕЧАЛ НÓВЫЙ ГОД

Истóрия, о которой я хочу рассказать вам, случíлась в ночь под Нóвый год. Кто я такóй? Зовúт меня́ Андрéй, я агронóм, работаю в Сибири, в колхóзе.

Год назáд я пérвый раз приéхал в Москвú. Очень скóро я кóнчил свой делá и решíл, что Нóвый год бúду встречáть в Москвé. Но где? В Москвé у менé знакóмых нет. Тóлько Николáй. Мы с ним вмéсте éхали в поезде. Он ешё тогдá приглашáл менé встречáть Нóвый год вмéсте с ним.

Я позвонíл Николáю. Он был óчень рад. Сам он в новогóднюю ночь дóлжен был дежúрить на завóде. Но сказáл, что мы вмéсте поéдем к егó друзьям, он менé познакóмит с нýми, а потóм поéдет дежúрить на завóд.

Éхать нýжно бýло в нóвый район Москвы, в Черёмушки. Приéхали мы тудá. Вокруг стóяли большиe нóвые домá. Друзьá Николáя тóже жíли в нóвом дóме. Нас встрéтила óчень симпатíчная старúшка. Онá сráзу попросíла нас пойтí в магазíн купítь горчицу. Я, конéчно, сказáл, что с удовольствием пойдú. Магазíн был рýдом. Я егó вíдел, когда́ мы шли мýмо. Я бы́стро нашёл магазíн, купíл горчицу и пошёл обра́тно. А вот кудá идтí, не знаю. Адрес я забыл спросить, а какой́ дом — тóже не пóмнил. Смотрíо, все домá нóвые — в какой́ идтí, не знаю. Стою на улице и не знаю, что мне дéлать.

Вдруг ко мне подошлá дéвшка и спросíла: «Что вы тут скучáете? Скóро Нóвый год!»

Я ей рассказáл всё. Тогда́ дéвшка засмея́лась и сказáла:

— А знаете, знакóмая Николáя — это я! Менé зовúт Вéра. Ужé цéлый час я вас ищú! Пойдёмте, скóро Нóвый год!

Друзьá Николáя мне óчень понráвились. Лúчше всех былá Вéра. Мы всё врéмя танцевáли. Я рассkáзывал ей о себé, о Сибири.

— Знаете, Вéра, как хорошó у нас! Кончáйте инститút и приезжáйте веснóй к нам.

Приезжáйте! — говорíл я ей.

Ужé úтром Вéра сказáла мне:

— Не сердítесь, я обманúла вас. Я не знаю Николáя. Когда́ вы рассказáли мне обо всём, мне стáло жаль вас, вот я и пригласíла вас к нам.

Я не сердíлся. Это былá моя лúчшая новогóдняя ночь.

Так я встрéтил Нóвый год в прошлом годú. А в этом годú я встречáю егó у себá в Сибири и тóже вмéсте с Вéрой.

Text 13

aus: М. М. Нахабина, Р. А. Толстая, Книга для чтения

ЛЮБÍМЫЙ ПРАЗДНИК

Когдá Илюшу спросíли, какóй прáздник он лóбит, Илюша отвéтил: «8 мáрта, Междунарóдный жéнский день».

Пáпа удивíлся: «Почемú? Ты ведь мужчíна!» Но Илюша не мог сказать прáвду. Он любíл éтот прáздник, потому что в э́тот день егó бáбушка Ольга Михáйловна уходíла в гóсти.

Бáбушка óчень любíла Илюшу, но дóмала, что воспитывать егó нúжно стрóго. У негó был óчень стрóгий режíм дня. И тóлько в мáрте у Илюши бы́ло три свобóдных дня: 7 мáрта бáбушка ходíла в парикмахерскую, 8 мáрта онá ходíла в гóсти, а 9 мáрта расскáзыvalа о том, как интересно она́ провелá врéмя. Илюша не знал, кудá ходíла бáбушка. Она говорýла, что в э́тот день встречаются все её стáрые друзья.

Три дня Илюша был свободным. Он гулял, играл с Юрой и Кóлей в футбóл и другие игры. Во дворé они́ пострóили корáбль, и Илюша был капитáном. Дéвочка Йра всегдá смотрéла, как они́ играют. Но мáльчики не хотéли дружить с ней. Они́ говорýли, что дéвочка не мóжет быть моряком.

В э́том годú Илюша óчень ждал прáздника. Но 7 мáрта бáбушка вдруг сказáла: «Илюша, ты ужé шкóльник и úчишься неплóхо, поэ́тому завтра я возьмú тебé в гóсти. Тебé понráвятся мой друзья!» Илюша совсéм не хотéл идти с бáбушкой в гóсти, но что дéлать?! Нúжно бы́ло идти.

На слéдующий день Илюша с бáбушкой пошли в гóсти.

— Бáбушка, кудá мы идём?

— Ты знáешь, где Большóй теáтр?

— Да.

— Вот там, óколо Большóго теáтра, мы всегдá встречаёмся.

Когдá они́ подошли к Большóму теáтру, бáбушка уви́дела высóкую жéнщину и сказáла ей: «Здрáвствуйте, товáрищ лейтенáнт». Жéнщина поцеловáла её и тóже сказáла: «Здрáвствуйте, как здорóвье, товáрищ капитáн?»

Илюша подумал, что они́ шутят. Но приходíли еще бáбушкины друзья и тóже вéсело шутíли. Они́ назывáли друг друга «лейтенáнт», «капитáн».

Потóм пришёл мáленький автóbus, все сéли тудá и поéхали в дом, где жилá мáленькая весёлая жéнщина. На столé стояли вкúсные вéщи, но есть не начинáли, потому что ждали «Волóдю». Все óчень хотéли есть и, когдá ужé совсéм устáли ждать, пришёл «Волóдя». Э́то был генерáл-майór авиаáции. Илюше он óчень понráвился. Генерáл взял гитáру, и все нáчали петь. Илюша тóже пел. Потóм он с удовóльствием слúшал, как бáбушка и её друзья вспоминали о своих самолётах. Илюша пónял, что бáбушка во врéмя войны

была́ лётчиком, и все́ эти же́нщины тóже бы́ли лётчиками, а их команди́ром был генерál «Воло́дя».

А чéрез день, когдá Илю́ша шёл из шкóлы, он уви́дел Йру. Онá плáкала, потому что Юра и Кóля не хотéли с ней игрáть. Они говорíли, что дéвочка не мóжет быть моряко́м.

Тогдá Илю́ша сказа́л им: «Моя́ бáбушка была́ лётчиком. Йра тóже мóжет быть моряко́м».

Text 14

aus: М. М. Нахабина, Р. А. Толстая, Книга для чтения

ЭТО СЛУЧИЛОСЬ В ВОЗДУХЕ

Большой пассажирский самолёт должен был лететь из Таллина в Москву. Но когда он поднимался, сломалось шасси. Теперь самолёт не мог приземлиться и поэтому летал, летал, летал... Но сколько времени можно летать? Когда лётчик Виктор Мостовой передал по радио на землю о том, что у самолёта сломалось шасси, он получил приказ приземлиться на Ленинградском аэродроме.

А в самолёте всё шло как обычно. Пассажиры читали газеты и журналы, играли в шахматы, разговаривали друг с другом. Никто не знал, что самолёт, который поднялся с Таллинского аэродрома, летит не в Москву, а на Ленинградский аэродром. В самолёте было сорок четырёх человек. Одни летели из отпуска домой, другие летели в отпуск в Москву. Лётчика Виктора Мостового в Москву ждали жена и маленькая дочь.

Самолёт должен был приземлиться. Но для этого нужно было, чтобы кончился бензин. Если останется бензин, может быть взрыв. Поэтому самолёт долго летал над Ленинградом.

Врач Вера Лазуркина смотрела в окно. Она увидела, что самолёт летает не над Москвой, а над Ленинградом, который она хорошо знала. Она тихо спросила стюардессу:

— Что случилось? Почему самолёт летает над Ленинградом?

Стюардесса тоже тихо ответила ей:

— Самолёт должен приземлиться на Ленинградском аэродроме.

Врач поняла: что-то случилось, но нужно молчать.

А внизу, на земле, их уже ждали. На аэродроме были врачи, медицинские сестры, санитарные машины. По радио лётчики советовали Виктору Мостовому, как лучше приземлиться.

И вдруг, когда самолёт был над городом, сломался один мотор. Дальше лететь было нельзя. Самолёт начал падать, думать было некогда. Внизу лётчик увидел реку Неву и решил «приземлиться» на воду.

— Идём на Неву! — сказал он второму пилоту.

А в это время стюардесса открыла две двери самолёта для того, чтобы люди могли выйти, если самолёт будет тонуть. В это время пилоты увидели на реке корабль. Нужны были все знания, мужество и спокойствие, чтобы пролететь ещё немногого над кораблём и «приземлиться» на Неву.

Через несколько секунд самолёт был на воде. Все пассажиры вышли на берег. Последним вышел из самолёта лётчик Виктор Мостовой. Это был первый случай, когда большой пассажирский самолёт «приземлился» на реку в центре большого города.

Text 15

aus: М. М. Нахабина, Р. А. Толстая, Книга для чтения

МОЙ ДРУЗЬЯ

Я геолог. Два года назад я ходил в свою последнюю экспедицию. Мы были на Памире. Когда возвращались, произошёл снежный обвал. Это была моя последняя экспедиция, потому что я тогда сломал ноги. Все думали, что я больше никогда не смогу ходить. Почти год я был в больнице. И вот я научился ходить. Медленно, но я уже могу ходить. Я теперь работаю в геологическом институте, где раньше учился сам. Читаю лекции студентам. «Молодой профессор» — называют меня, потому что я профессор только два года и ещё потому что мне «всего» 31 год. Не знаю почему, но всем кажется, что 31 год — это так мало. Мне этого не кажется. Я всегда благодарю жизнь за то, что онадала мне таких хороших, настоящих друзей. В самые трудные минуты они всегда были со мной. Нельзя сказать, что я их часто вижу. Нет, этого сказать нельзя. Они все геологи, они ездят в экспедиции, в самые разные места. Чаще всего они бывают далеко. Но они пишут письма, рассказывают мне о себе. Вот и сегодня, когда я пришёл из института, мама сказала: «Клим прислал письмо...»

Клим присыпает не письма, а камни. Когда я вижу эти камни, я всегда знаю, где Клим: на севере или на юге, в Азии или в Африке.

— Ну, что пишет твой Клим? — спросила мама.

— Посмотри, — я показал ей красивый красный камень.

— Где же он сейчас?

— Думаю, на юге.

— Удивительный человечек этот Клим! Почему он не может написать обычное письмо, как все. Присыпает один камни.

— Ты знаешь, мама, Клим однажды сказал, что он умрёт тогда, когда всё станет обычным.

— Поэтому он не пишет словами?

— Да. Он считает, что камень может сказать больше, чем обычное письмо.

Клим скоро приедет и расскажет о своей экспедиции и о том, куда он поедет потом.

Павел решил писать такие же письма, как Клим. Но ему трудно. Он палеонтолог. Он тоже ездит в экспедиции. Ищет то, что осталось от животных, которые жили миллионы лет назад. Он присыпает мне кости животных и маленькие письма, где объясняет сколько лет лежали в земле эти кости.

«Женя, я искал это животное восемь лет. Эти кости лежали в земле триста двадцать миллионов лет. Интересно, правда?»

А недавно присыпал письмо Лёва. Вот уж он любит писать письма. Большое письмо, семнадцать страниц. Сейчас он работает главным геологом в городе Томске, в Сибири. Он подробно рассказал, как искали нефть в Сибири, как

откры́ли эту нефть. «Хочешь, пришлю тебе? Прислать тебе нефть? Нашу, сибирскую?» Мне всегдá немнóго грустно читáть их пíсьма. И всё же я очень люблю, когда мне присылают камни или кости.

Мáма иногда говорит сердито:

— У тебя не комната, а музéй. Здесь можно изучать разные камни, кости животных, которые жили миллионы лет назад. Здесь можно увидеть даже сибирскую нефть.

— Это же пíсьма, мáма.

— Пíсьма?! Если они бúдут и дальше присылать такие пíсьма, нужно будет построить специальный музéй! Ну вот, скажи, куда положим это послéднее пíсьмо Павла, эту огромную кость?

А вот Йнка ничего не пишет. Ни камня от неё, ни слова. Может быть, так нужно. Мáма говорит, что я должен забыть о ней, потому что она не приходит и не пишет. Мáма знает, что я люблю Йнку. Давно и сильно. В прошлом году я видел Йнку. Она пришла на лекцию. Но когда я кончил и хотел с ней поговорить, её уже не было. Мáма жалеет меня и говорит, что я должен забыть об Йнке.

И друзья жалеют меня, поэтому присылают пíсьма: камни, кости, нефть. А Йнка не хочет жалеть меня. И не нужно меня жалеть. Скоро, скоро я опять буду здоровым и сильным. Я тренируюсь каждый день. Я думаю, что мы с Йнкой еще будем ездить в экспедиции.

А завтра мне нужно на лекцию. Завтра я читаю лекцию студентам на первом курсе. Первую лекцию будущим геологам. И Йнке — я знаю, что она придёт. Я знаю. Потому что она ничего не писала. Потому что она не хочет жалеть меня и не пишет.

Но она придёт завтра. Я знаю...

Text 16

aus: М. М. Нахабина, Р. А. Толстая, Книга для чтения

НАСТОЯЩИЙ ВРАЧ

Когдá началáсь Велíкая Отéчественная войнá, Лéна Егóрова кónчила 9 клáссов, ей бы́ло 16 лет. Онá помнит тёмный, воéнный гóрод, помнит, как шли на фронт солдáты, и кáждое úтро онá слы́шала по ráдио пéсню: «Вставáй, странá огромная, вставáй на смéртный бой!»

Чéрез год онá кónчила шкóлу и поступáла в медици́нский инститút. Но потóм подúмала: «Учáться мόжно и потóм, когдá кónчится войнá». И онá решíла пойти на фронт. Но ей сказáли: «Дéвочка, странé нужны врача́». И Лéна продолжáла учáться в инститúте. Онá хотéла стать настоящим, хорóшим врачом.

- Лéна, у тебя хaráктер настоящего врача! — говорíли ей друзья́.
  - А какóй хaráктер у врача?
  - Врач дólжен быть спокóйным, увéренным! Это же ты, Лéна!
- Когдá Лéна кónчила инститút, онá поéхала работать на Сéвер, на óстров Дýксон, котóрый нахóдится в Кáрском мóре. В поезде одíн из пассажíров спросíл её:
- Дéвшка, кудá вы éдете?
  - В Áрктику, на óстров Дýксон.
  - Рабóтать?
  - Да, я врач.
  - Тóлько что кónчили инститút?
  - Да.
  - Но почемú вы решíли поéхать на óстров Дýксон? Вы знаéте, что э́то такóе?
  - Нет, но узnaю, — вéсело отвéтила Лéна.
  - Хóлод, снег, полгóда нет сóлнца.
  - Но там живúт и работают люди — учёные, гéологи. А людям всегдá нúжен врач.

Её встрéтил Васíлий Васíльевич Хóдов — стáрый полýрник, котóрый ужé 15 лет жил на óстрове. Он посмотрéл на Лéну, сказáл: «Здрáвствуйте!» А сам подúмал: «Что онá бúдет здесь дéлать? Молодáя, неопытная. Трудно ей бúдет».

Васíлий Васíльевич показáл ей, где жíли полýрники — нéсколько небольшíх домóв, небольшáя больни́ца, где должна была работать Лéна. Там же была кóмната, где она должна была жить. Лéна вошлá в своё кóмнату, сéла. Всё вокrúг бы́ло необычным, нóвым. Но чéрез минúту вошёл Хóдов и сказáл: «Нужна вáша помо́щь. На полýрной стáнции заболéл мáльчик. Эхать тудá далекó — 150 киломéтров. Бúдете консульти́ровать по ráдио».

Два дня Лéна борóлась за жизнь ребёнка на далёкой полýрной стáнции. Чéрез два дня ему стáло лúчше. Хóдов был довóлен нóвым врачом. Тепéрь он дúмал: «Мóлодость не помешаёт ей стать настоящей полýрницей».

Три гóда жилá Лéна на Сéвере. Онá лечíла взро́слых и детéй. Дéлала всё, что бы́ло нúжно. Полярники любíли своегó врача. Онí жíли дру́жно. На сéвере нет плохих людéй, там живут мúжественные, спокóйные, сильные люди, которые умéют побеждáть трúдности и всегдá помогают друг дру́гу.

Однáжды на далёкой полярной стáнции тяжелó заболéла жéнщина. Нúжно бы́ло положить её в больницу, нúжен был самолёт. Самолёт моглí дать тóлько из порта. Но с óстрова не моглí сообщить в порт о том, что нúжен самолёт, потому что на óстрове сломáлась ráция. Тогдá Лéна решíла пойти в порт.

— Лíда, — сказáла Лéна своéй подруге, — я пойдú чéрез пролíв, попрошу́, чтобы дáли самолёт.

— Нет, нет. Сейчáс нельзя идти чéрез пролíв. Веснá, лёд ломáется, мóжно утонуть.

— Не волнуйся. Я лёгкая и идти бýду бы́стро.

Лéна пошлá, а чéрез нéсколько минút пришёл Хóдов. Лíда рассказáла ему о Лéне, и онí вмéсте пошли на бéрег. Лéна былá ужé далекó от бéрега.

— Стой! — закричал Хóдов. — Утонешь!

Лéна шла вперёд, лёд всё врёмя ломáлся. Ей бы́ло страшно, кáждую минуту онá могла утонуть, но онá думала: «Нельзя возвращаться. Человéк умрёт, если я не помогу ему».

Лéна пришлá в порт, самолёт дáли, и жéнщину спасли.

Потóм Лéна всегдá говорíла: «Сéвер помог мне стать настоящим врачом».

Text 17

aus: М. М. Нахабина, Р. А. Толстая, Книга для чтения

ПЕРВАЯ РОЛЬ

Сначала всё было хорошо, даже очень хорошо. Юра прекрасно сдал экзамены, и его приняли в театральный институт. Мать, Анна Васильевна, поздравила сына, а отец, Николай Петрович, подарил ему бритью «Спутник». Профессор, который принимал экзамены, сказал Анне Васильевне, что у Юры большие способности. Анна Васильевна была очень довольна успехами сына. Но в первый же день Юра пришёл из института, показал матери студенческий билет, а потом спокойно сообщил ей, что он вместе со всеми студентами едет в колхоз. Там они будут помогать колхозникам убирать картофель.

- Ты шутишь? — удивилась Анна Васильевна.
- Нет. Мне нужно взять теплые вещи.
- Как?! Вы — артисты и вдруг поедете убирать картофель?!
- Мама, мы ещё не артисты. В колхозе мы будем работать только три недели. И потом, физическая работа ещё никому не помешала стать артистом.

Утром Юра уехал в колхоз.

Прошло 10 дней. Анна Васильевна волновалась, как там Юра. Была осень, почти каждый день шёл дождь, на лице было холодно. Однажды она решила поговорить с мужем.

- Посмотри, какая погода! Всё время дождь...
- Да, картофель лучше убирать в хорошую погоду, — спокойно ответил Николай Петрович и продолжал завтракать.
- Не понимаю, как ты можешь быть спокойным. Юре только 17 лет...
- Скоро восемнадцать...
- Он же ещё мальчик!
- Я этому мальчику бритью подарил.
- Он ещё совсём слабый.
- Слабый? А ты видела, как он играет в футбол со своими друзьями?
- Убирать картофель — это трудная физическая работа.
- Ничего, когда мне было 17 лет, я уже работал на заводе. И как видишь, ничего не случилось со мной!
- Я только не могу понять: почему они, будущие артисты, должны работать в колхозе? Они не агрономы, не колхозники, они же артисты!
- Ну и что? Я читал, что народный артист Советского Союза Хмелёв работал сначала на автозаводе. Это не помешало ему стать большим артистом. Артист должен хорошо знать и жизнь, и труд, и людей, и то, что картофель растёт не в магазине.

Анна Васильевна сердито посмотрела на мужа и сказала:

- Ну, если ты не хочешь помочь своему сыну, тогда я сама помогу ему.
- Не нужно ему помогать. Ты же знаешь, что у нас это стало худшей

традыцией — помогать колхозникам осенью убирать урожай И все студенты в сентябре едут в колхозы.

На следующий день Николай Петрович уехал в командировку, а Анна Васильевна решила помочь сыну.
Она позвонила другу Николая Петровича, у которого была машина, и попросила его приехать к ней.

- Сергея Владимирович, я вас очень прошу помочь мне и Юре.
- А что случилось, Анна Васильевна?
- Вы знаете, что наш Юра поступил учиться в театральный институт?
- Да, Николай Петрович мне рассказывал.
- Но вот уже 10 дней наш Юра выступает не в своей роли. Он поехал в колхоз убирать картофель.
- Ну, что ж, это неплохая роль. Современная.
- Я очень волнуюсь. Я прошу вас поехать туда, посмотреть, как он там себя чувствует. Может быть, вы привезёте его обратно...
- Но ему, наверное, не разрешат уехать?
- А вы там объясните: отец уехал в командировку, а мать плохо себя чувствует.
- А Николай Петрович знает об этом?
- Конечно, нет. Это мой план.
- Я думаю, если Николай Петрович узнает о нем, он будет очень недоволен. Но чтобы вы не волновались, я поеду и посмотрю, как там чувствует себя наш Юра.
- Большое спасибо, Сергея Владимирович! Я знала, что вы поможете мне. Я хочу послать Юре письмо и домашние пирожки.

В воскресенье Сергей Владимирович поехал в колхоз.
Свою машину он остановил около поля. Здесь он увидел молодого человека, который шёл по полю.

- Молодой человек, вы не знаете, где здесь работают студенты театрального института?
- Знаю. Я сам студент театрального института. А кто вам нужен?
- Мне нужен Юра Сорокин.
- Пойдёмте со мной.

В центре поля был большой костёр, а вокруг работали студенты.
Когда Юра увидел Сергея Владимира, он удивился и сказал:
— Здравствуйте, Сергея Владимира! Что случилось?
— Здравствуй, Юра. Ничего не случилось, дома все здоровы. Папа уехал в командировку, а мама очень волнуется и попросила меня поехать узнать, как ты себя чувствуешь.
— Отлично себя чувствую. В колхозе говорят, что мы хорошо играем роль колхозников. Правдиво.
— Мама прислала тебе письмо и пирожки.
— Вот это хорошо! Ребята, идите все сюда! Вы ещё не знаете, какие вкусные пирожки печёт моя мама.
Около костра быстро собрались почти все студенты. Все они были здоровые, весёлые, у всех было хорошее настроение.

Юра положил пирожки, чтобы все могли есть их, а сам начал читать письмо. Он прочитал его и сказал: «Моя мама всё думает, что я маленький слабый мальчик».

А потом посмотрел на друзей и спросил:

— Ну, как пирожки? Нравятся?

— Прекрасные пирожки! Поблагодарите свою маму за такие вкусные пирожки.

Юра сел около костра и быстро, написал письмо маме. Сергей Владимирович уехал обратно в город.

Анна Васильевна ждала Сергея Владимировича и всё думала, приедет с ним Юра или нет.

Сергей Владимирович вошел и сразу услышал:

— Ну что там? Он здоров? Как он? Не приехал?

— Всё в порядке, Анна Васильевна. Вот письмо от Юры.

«Дорогая мама, — писал Юра, — спасибо тебе за вкусные домашние пирожки. Чувствую себя хорошо. Здоров. Работаю, как все. Вернусь вместе со всеми, когда кончим убирать картофель. Привет папе. Твой Юра».

Анна Васильевна прочитала письмо и улыбнулась.

— Вот видите, Анна Васильевна, всё в порядке! Теперь вы не будете волноваться.

— Да, всё в порядке, — улыбнулась она. — Спасибо вам, Сергей Владимирович, я очень рада, что у меня такой сын.

Text 18

aus: М. М. Нахабина, Р. А. Толстая, Книга для чтения

ВÉРНОЕ СÉРДЦЕ

В воскресéнье Серёжа провожáл Натáшу. Натáша два гóда назáд окончила балéтную шкóлу, а сейчáс былá ужé извéстной балерíйной Большóго теáтра. Онá éхала выступáть за гранíцу.

Натáша óчень волновáлась, Серёжа хотéл успокóить её и решил сказать ей на аэродрóме: «Натáша, когдá ты бúдешь за гранíцей, помни, что в Москvé тебя ждёт вéрное сéрдце дру́га».

Но на аэродрóм онý приéхали пóздно. Натáша опáздывала на самолёт. Поэтому Серёжа успéл сказать ей тóлько: «Натáша, не волнуйся. Я уверен, что ты хорошо выступишь. Ведь ты — балерíна Большóго теáтра!»

Натáша спешíла и бы́стро отвéтила: «Спасíбо, Серёжа. Я тебé напишú... оттúда! До свидáния!»

С аэродрóма Серёжа вернúлся грúстный.

Серёжа работал инженéром на завóде. Всю недéлю, приходя с рабóты, он спрашивал: «Нет пíсем?» «Нет», — отвечáла мать.

В суббóту Серёжа решил поéхать к Натáше домóй, чтобы узнать все нóвости о ней. Её родítелей нé было дóма, онý пошли смотрéть нóвый фильм, дóма былá её бáбушка — Áнна Сергéевна. Онá плохó вíдела, поэтому не сráзу узнала Серёжу.

- Здрáвствуите, Áнна Сергéевна!
- Здрáвствуите, молодóй человéк. А кто вы?
- Я Натáшин товáрищ. Мы с ней вмéсте учíлись в шkóле.
- В какóй? В балéтной?
- Я не учíлся в балéтной шkóле. Мы с ней вмéсте учíлись в обычной шkóле.
- А, тепéрь я вас вспóмнила! Вы инженér Серёжа, да?
- Да.
- Ну, садйтесь. Хотите чáю?
- Спасíбо, с удовóльствием.

Серёжа пил чай и слúшал, что рассkáзывала Áнна Сергéевна.

— Натáша звонíла во втóрник, выступлéние прошлó с большíм успéхом, ей подарили большóй букéт краásных роз, а на слéдующий день опáть быíли букéты цветóв... Натáша óчень довóльна... Что вы такóй грúстный, Серёжа?

— Я?! Нет,ничегó, Áнна Сергéевна.

Но сам он грúстно думал: «Букéты краásных роз, большóй успéх, о ней пíшут в газéтах... А я? Кто я? Обычный инженér!!!»

Вдруг зазвонíл телефón.

— Э́то международный! — сказáла Áнна Сергéевна. — Э́то онá, Натáша!
Онá бы́стро взялá трúбку:

— Я слúшаю! Натáша! — закричáла Áнна Сергéевна. — Э́то я, бáбушка. Пáпы и мáмы дóма нет, пошлý в кíно, я плóхо слýшу, поэ́тому сейчáс с тобóй бúдет говорить Серёжа.

И онá далá тру́бку Серёже:

— Говори́те!

— Натáша, э́то я! — громко закричáл Серёжа. — Здравствуй.

— Серёжа, мíлый! Ты у нас дóма?

— Да, я волновáлся, почемú ты не пишешь, и пришёл узнать о тебе.

— Вчera послáла тебе письмо. Как ты живёшь?

— Хорошо! А ты как?

— Тóже хорошо. Выступлéния прошли óчень хорошо, большóй успéх нашего балéта.

— Поздравляю тебе!

— Спасибо. У менé тóлько 5 минут. Давай говорить о сáмом вáжном... Какáя погóда в Москvé?

— Хорóшая! Идёт дождь!

— Мíлый москóвский дождь! А здесь теплó, сúхо. Очень хочú домой, Серёжа!

— Приезжáй скорéе. Я тебя встрéчу!

— С букéтом?

— Кáжется, у тебе ужé много букéтов, — решíл пошутить Серёжа.

— Нет, нет, ты придёшь с букéтом осéнних лíстьев, они такíе красíвые. Я óчень люблю осéнние лíстья! Придёшь?

— Конéчно!

— Серёжа, мы решíли говорить о сáмом вáжном. Что ты хóчешь мне сказать?

— Натáшá, пóмни, что в Москvé тебе ждёт... вéрное сéрдце дру́га!

— Повтори́, я не слýшу!

— Натáша! Мíлая! Приезжáй скорéе! Я... люблю тебе!

— Я тóже. Но э́то не телефónный разгово́р. Серёжа, у менé чéрез час концéрт! Я так бúду сегóдня танцевáты! Серёжа, а почемú ты молчáл ráньше?

— Я не успéл ráньше!

— Серёжа, вréмя кончáется. До свидáния!

Вéчером пóсле концéрта Натáша разгово́ривала с корреспондéнтом.

— Я вíдел вáшу балерíну Галíну Улáнову, но я не думал, что у вас такáя талáнтливая молодёжь! Вы óчень понравились нашей пúблике.

Потóм корреспондéнт спросíл Натáшу:

— Что вас ждёт в Москvé, когдá вы вернётесь?

— Рабóта! — сказáла Натáша, а потóм улыбнúлась и добáвила: — И вéрное сéрдце дру́га.

Text 19

aus: М. М. Нахабина, Р. А. Толстая, Книга для чтения

ЖУЖА

На ўлице шёл снег. Дул си́льный ве́тер. Мóжно бы́ло поду́мать, что сейчáс но́ябрь, а не март. «Родна́я мать послáла в такóй морóз! — сердítо ду́мал я. — И э́то тóлько потому, что у стárшего сына на рабóте очень вáжные дела. Сегóдня он решíл спать на своём пíсьменном столé — э́то обязáтельно продвíнет нау́ку вперёд!»

Я вхожú в институт, здесь теплó и пáхнет живóтными. Поднимáюсь на трéтий этáж и открываю дверь кóмнаты, где работает Вíктор. В кóмнате Вíктор — он плохó выглядит, глазá красные.

— А, пришёл... — говорít он. Мéдленно идёт ко мне.

— Вáша ма́ма, Вíктор Михáйлович, прислáла вам обéд.

Пожáлуйста, ёшьте! — говорю я. — Вы так зáняты, что я дóлжен бéгать с бульбóном чéрез весь горóд.

— Тýше, — говорít Вíктор. — Здесь больныe.

— Какие ёшё больныe?

Вíктор покáзыывает на обезьяну, она лежít и смотрит на менá гру́стно-гру́стно.

Лицó у обезьяны умное, всé понимающее. Вíктор берёт бульбóн и идёт к обезьяне. «Так вот комú бульбóн», — ду́маю я.

— Тяжелó больна? — мне стáло жаль обезьяну.

— Да. Уже́ недéлю мы ничегó не мóжем сде́лать. Она похудéла на дéсять килогráмм, — тýхо и гру́стно сказál Вíктор.

— Нельзя́ так расстрáиваться, — сказál я. — Обезьяна — не человéк.

— Да, — сказál Вíктор, — не человéк. Но оди́н прекрасный человéк отдал свою жизнь, чтобы спастí Жúжу. Очень умная обезьяна. Профéссор Залéсский обратíл на неё внимáние, когдá Жúже был оди́н год. А в сентябрé сорок первого гóда он взял Жúжу к себé и продолжáл опыты дóма... «Истóрия сознáния человéка».

— Так э́то же тéма твоéй диссертáции!

— Да, — сказál Вíктор, — и моéй. То, что сде́лал Залéсский, бы́ло начáлом. Хочешь покормить её? Дай ей яблоко.

— Хорошó, — радостно сказál я.

— Это мой брат, — объяснил Вíктор Жúже.

Потóм дал мне яблоко. Жúжа посмотрéла на Вíктора и взялá у менá яблоко. «Мóжет, зоолóгия и не такáя плохáя нау́ка», — поду́мал я.

— Как же погиб профéссор, Вíтя?

— Во вре́мя войны, в Ленинграде, — сказál Вíктор, — Залéсский отдавáл ей почти всю еду, какáя у него́ была. Умер Залéсский от гóлода...

Он замолчáл. Мне стáло обидно. Почемú он рáньше не рассказа́л мне, своему бráту, чем занимáется и чью рабóту продолжáет?

— Понимаешь, Юра, — сказál Вíктор, — если Жúжа умрёт, э́то очень плохó. Опыты ёшё не закончены.

— Но её же лéчат, — сказál я.

— Лéчат. Кáждое утро Жúжу смотрит врач, — он показа́л на лекárства, лежáщие на столé. — Но сегóдня вéчером ей стáло совсéм плохó. Совсéм...

«Нужно помочь», — решил я.

— Давай адрес, — сказал я Виктору. — Чрез час здесь будет врач.

— Спасибо. Только, пожалуйста, Юра, разговаривай с ним спокойно. Это человечек очень сложный... И время сейчас, сам понимаешь, не рабочее. «Не рабочее, — подумал я. — Но если Жужа умрет?»

До ветеринарного врача нужно было ехать четыре остановки, а потом немногого идти пешком. Всё время я думал о Залесском. Каким надо быть человечком, чтобы во время войны отдавать обезьяне последний хлеб! Я волновался:

«Скажу ему прямо о Жуже — и всё...»

Дверь мне открыл толстый мужчина.

— Ветеринарный врач здесь живёт?

— Я и есть ветеринарный, — улыбнулся толстый мужчина.

— Мой брат, Виктор Копылов..., — начал я.

— Брат Виктора Михайловича! Дорогой гость, прошу в комнату!

Я вошел. В комнате было светло и чисто. За столом сидели мальчик и девочка.

— Доктор, — сказал я. — Жуже вечером стало совсем плохо.

— Ну, ничего! Садись с нами ужинать.

— Нет, нет, спасибо! Я не хочу. И Жуже очень плохо.

— Папа, — сказала девочка. — Он действительно не хочет. А тебя там ждут!

Ветеринар только посмотрел на неё, и девочка вышла из комнаты.

— Хорошо, — сказал он. — Вот записка Виктору Михайловичу. Жуже надо давать еще одно лекарство.

— А вы... вы не поедете?

— Я делаю все, чтобы спасти её, мальчик! — сказал ветеринар.

— Слушайте, — быстро сказал я, — вы, может быть, забыли. Жужа — это та обезьяна, которую спас Залесский. Опыты еще не закончены. Она может погибнуть...

— Я осматриваю животных утром. И осматриваю внимательно.

— Но есть же еще ветеринар?! — закричал я.

— Конечно, — спокойно сказал он. — Главный ветеринарный врач Пирогов. Его телефон 245-30-22.

Я шел медленно и думал: «Как же так — в одном институте работают Виктор и этот человечек? А может быть, я плохо рассказал о Жуже? Может, он не понимает, что эти опыты очень важны людям?»

На улице я нашел телефон-автомат. Я решил позвонить Пирогову. Очень долго никто не отвечал. Но вдруг я услышал: «Алло».

— Главного врача! — закричал я. — Ветеринарного.

Я так волновался, что забыл фамилию.

— Слушаю, — сказали мне.

— Дорогой доктор, — быстро заговорил я. — Может, вы знаете Виктора Копылова? Мое брата?

— Копылова? — недовольно спросил главный врач. — Знаю. Ну и что же?

— У него умирает обезьяна. Жужа. Вы её должны знать. Та, которую спас Залесский.

— Ну, знаете ли... молодой человечек, сейчас час ночи, — рассердился главный врач.

Я что-то говорил еще, но скоро понял, что меня не слушают. Я не знал, что делать дальше. Мороз стал еще сильнее. Ветер мешал идти. Но я не чувствовал холода. Я думал о Жуже.

Около института стояла «Болга». Я прошел мимо неё. Шофер курил в машине. Ему было тепло. Даже обидно стало: курить в такой тяжелый момент.

— Вы в институт? — спросил он меня.— Я тут жду главного ветеринарного врача. Скажите ему, пожалуйста, что я уеду на полчаса за бензином.
Я ответил сразу: «Что же, главный врач ночью работать приехал?» «Да, — говорит. — Он болен, у него грипп. А поехал лечить какую-то обезьяну..»
«Прекрасно, что грипп! Поезжайте, — говорю, — я всё ему скажу». Я улыбаюсь. И чувствую, что хочется мне узнать самое важное:
— А ваш-то, главный врач, обезьяну спасёт?
— Конечно, даже обязательно! — улыбается шофер.

Text 20

aus: М. М. Нахабина, Р. А. Толстая, Книга для чтения

СОЛИСТКА ОПЕРЫ

Когдá Ирýне бы́ло се́мь лет, онá поступíла в дéтскую музыкальную шкóлу. Онá нача́ла учáться и́гра́ть на ройле. Преподавáтели говорíли её родítелям: «У дéвочки си́льный, ча́стый гóлос. Возможнo, онá бúдет неплóхо петь».

Но родítелям бóльше нráвились рисунки Ирýны. И не тóлько родítелям: онý нráвились всем, кто их вíдел. Рисунки у Ирýны бы́ли замечáтельные, особенно портрéты. Люди на её портрéтах бы́ли как живые.

Когдá онá кónчила дéсять клáссов, онá решíла поступíть в архитектурный инститút. На экзáмене нúжно бы́ло нарисова́ть портрéт. На другóй день все портрéты висéли на стené в зáле. Высокó висéли лúчшие рабóты, нíже висéли хорóшие, совсéм нíзко висéли плохáе рабóты. Портрéт Ирýны висéл очень высокó. Ирýне казáлось, что человéк на её портрéте улыба́ется и говорит: «Молодéц! Хорóшая рабóта!»

Онá поспешíла домóй, чтобы сообщáть мáме о том, что её прýняли в инститút. Петь онá началá в инститúте. Преподавáтель студéнческого хóра сказáл ей, что у неё хорóший гóлос, но нúжно занимáться. И Ирýна продолжáла изучáть архитектúру и занимáться пéнием.

Онá кónчила архитектурный инститút и стáла рабóтать. Но онá не моглá решíть вopрóс, что ей бóльше нráвится: архитектúра йли мúзыка? Онá гордýлась тем, что стáла архитéктором. Ведь архитектúра — это мúзыка в кáмне. И потóм все в семье́ бы́ли стройтели: и отéц, и дед.

А мóжет быть, глáвное — мúзыка? «Пошлá бы я на ве́чérнее отделéние в консерватóрию, ёсли бы прýняли», — думала Ирýна.

И молодóй архитéктор Ирýна Архíпова поступíла на ве́чérнее отделéние Москóвской консерватóрии.

Началáсь нелéгкая жизнь. Утром, в 7 часóв 30 минут у Ирýны начинáлись занятия в консерватóрии, а в 9 часóв онá бы́ла ужé в архитектурной мастерскóй. А вéчером сно́ва в консерватóрии — репетíции, лéкции.

Тепéрь ужé серьёзно задавáла онá себé вopрóс: «Где моё мéсто в жíзни? Что я бúду дéлать: стрóить йли петь?» «Стрóить йли петь?» — спрашивали её преподавáтели консерватóрии, родítели, друзья́.

И тогдá мáма рассказáла ей о дéдушке. Он жил в дерéвне, стрóил там домá, а в свобóдное вре́мя пел в хóре. Он очéнь любíл мúзыку, rússкие нарóдные пéсни. И вот, когдá ему бы́ло ужé 90 лет, он приéхал в Москву́, где жилá дочь. Пéрвый раз в жíзни пошёл он слúшать óперу в Большóй теáтр. Для негó э́тот день был прáздником. Когдá óпера кónчилась, дéдушка сидéл грúстный.

— Что с тобо́й? — спроси́ла дочь.

Он гру́стно показа́л на сцéну и сказа́л:

— Только сейчáс я пóнял, где бы́ло моё ме́сто в жíзни.

Ирина дóлго думала о том, что рассказа́ла ма́ма о дéдушке. Онá прекрасно кончила консерватóрию. Где же её ме́сто в жíзни? Мóжет быть, тóже в теáтре? Ирина решáла уйтý из архитектúрной мастерскóй в теáтр.

Тепéрь все в странé зна́ют замечáтельную арти́стку Большóго теáтра Ирину Архíпову. Ирина Архíпова ча́сто выступа́ет за грани́цей. Её иногдá спра́шивают:

— Где вы учíлись? У вас прекрасная шкóла!

— В Москóвской консерватóрии, — отвечáет Ирина. «И в архитектúрном инститúте», — всегдá хóчет добáвить онá. Но ведь все зна́ют, что в архитектúрном инститúте не изучáют мúзыку.